

ГИЛБЕРТ КИЙТ ЧЕСТЕРТОН

Шар и крест

ФТМ

УДК 82-31
ББК 84(4Вел)
Ч51

GILBERT KEITH CHESTERTON
The Ball and the Cross
1910, 1927

Перевела с английского Н. Трауберг

Честертон Г. К.

Ч51 Шар и крест : [роман] / Гилберт Кийт Честертон ;
[пер. с англ. Н. Трауберг]. — М. : «Т8 Издательские
Технологии» / «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020. — 147 с. —
(Серия «Мировая классика»).

«Шар и Крест» (1910, 1927) — роман-диспут, роман-фельетон, антиутопия и в то же время эксцентричная робинзонада и фантастический сатирический роман. В этой книге люди, возвышающиеся над земным, находятся под контролем полиции, которая уполномочена давать «справки о нормальности». Героям предстоит всевозможные приключения и встречи с весьма необычными людьми.

**УДК 82-31
ББК 84(4Вел)**

© Трауберг Н. Л., наследники,
перевод на русский язык, примечания, 2020
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020

ISBN 978-5-521-74397-1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I НЕОКОНЧЕННЫЙ СПОР

Аэроплан профессора Л. серебряной стрелой разрезал небеса, сверкая в холодной и синей бездне вечера. Мало сказать, что он летел над землею — тем двоим, кого он нес, казалось, что он летит над звездами. Профессор сам сконструировал его, и все в нем было искаженным и причудливым, как и подобает чудесам науки. Мир наук несравненно туманней и неуловимей, чем мир поэзии; ведь в поэзии и в вере мысли и образы верны себе, тогда как, скажем, сама идея эволюции зыбка, словно тяжкий сон.

Все детали и предметы в аэроплане профессора Л. были такие же, как у людей, только на себя непохожие. Они как бы забыли свое назначение и обрели иную, чудовищную форму или иное имя. Штука, похожая на большой ключ о трех колесах, была чем-то вроде револьвера; гибрид двух пробочников — ключом. Открывалось этим ключом что-то похожее на велосипед и очень важное. Все это создал сам профессор — совершенно все, кроме себя и своего пассажира.

Пассажира этого он в самом прямом смысле слова выудил из маленького садика в горах и, хотя не создавал его, собиравшись над ним поработать. Обитатель болгарских то ли греческих гор просто светился сквозь заросли седых волос; видны были, собственно, одни глаза, и казалось, что ими он разговаривает. Он был необычайно умен и мудр и не знал печали в своей окруженной горами хижине, обличая ереси, чьи последние приверженцы переказывали друг друга 1119 лет тому назад. Ереси эти содержали немалый соблазн, и монах сумел обличить их; однако никто, кроме него, не понял бы хода его мыслей. Звали его Михаилом (фамилию я писать не стану, западным

людям все равно не прочесть ее), и, повторяю, он счастливо жил со зверями в своей хижине. Даже теперь, когда ученый безумец вознес его превыше гор, он не утратил своей радости.

— Милый мой, — говорил профессор, — я не собираюсь убеждать вас доводами. Нелепость вашего предания ясна всякому, кто знает сей мир тем знанием, которое велит нам избегать сквозняков и нищих. Поистине глупо спорить о таких глупостях. Когда поживешь среди людей...

— Простите меня, — слышалось из белых зарослей, — значит, вы подняли меня в небеса, чтобы я пожил среди людей?

— Занятный вопрос, в узком схоластическом духе, — отвечал профессор. — Что ж, я докажу мою мысль, исходя из вашей. Ваша религия, насколько мне известно, считает небо символом и даже источником правды и милости. Ну вот, вы — в небе, судите сами. Небо жестоко. Пространство страшнее тигра или чумы. Надежды в нем не больше, чем в аду, и правды тоже. Если для несчастного потомка обезьяны есть утешение и упование, оно — на земле, и...

— Простите, что прерву вас, — сказал отец Михаил, — но я всегда замечал...

— Так, так! — подбодрил его профессор. — Люблю ваши немудреные мысли!..

— Вы так прекрасно говорите, — продолжал монах, — и вы, и вся ваша школа... но я припомнил ее историю и пришел к странным выводам, которые нелегко передать, особенно на чужом языке.

— Слушаю, слушаю! — все подбадривал его ученый. — Итак?

— Я заметил, — мягко промолвил отец Михаил, — что особенно красиво вы проповедуете как раз тогда, когда... ну, как бы это сказать?..

— Прошу, прошу, договаривайте! — нетерпеливо встал профессор.

— Словом, ваш аэроплан сейчас во что-то ударится, — закончил монах, — простите, что я об этом говорю, но лучше вам знать заранее...

Профессор вскрикнул и пригнулся к рулю. Последние десять минут они летели вниз сквозь кручи и пещеры облаков. Теперь за лиловатым туманом, словно островок в облачном море, темнело что-то вроде макушки огромного шара. Глаза профессора блеснули огнем безумия.

— Новая планета! — закричал он. — Я назову ее моим именем. Да, именно ей, а не пошлой Венере пристало называться светоносной, денницей, светилом зари. Здесь не будет суеверий, здесь не будет богов, здесь человек станет невинным и безжалостным, как полевой цветок, здесь человеческий разум...

— Простите, — несмело сказал монах, — там что-то торчит...

— И верно, — согласился профессор (очки его сверкнули ученым восторгом), — что бы это могло быть?

Тут он дико закричал и выпустил руль. Монах не очень удивился, ибо привык в своем отсталом краю, что некоторые создания кричат именно при виде этого предмета. Он устало взялся за руль, и как раз вовремя, чтобы аэроплан не врезался в купол собора.

Тусклое море облаков лежало почти у самой его вершины, и крест на макушке шара казался буйком среди свинцовых волн. Когда аэроплан подлетел к ним вплотную, облака стали четкими, словно камни на серой равнине. Лететь сквозь них было неприятно, словно древний утес оказался куском масла или, точнее, взбитым белком. Однако еще удивительнее были мгновения, когда внезапный и душливый сумрак сменился бурным туманом, который где-то пониже как бы разгорался, обращаясь в огонь. Сквозь плотную лондонскую мглу сверкали огни, сливавшиеся в квадраты и полосы. Можно было сказать, что мгла утопает в пламени; можно было сказать, что пламя подожгло мглу. Самолет летел рядом с куполом, который, словно морское чудовище, возвышался над морем

улиц или, если хотите, висел в беззвездном небе, ибо туман скрыл звезды от отца Михаила и профессора Л.

Монах и ученый пролетели от купола так близко, что профессор, оставив руль на секунду, оттолкнулся от него, как отталкивается от берега тот, кто правит лодкой. Крест, тонувший во мраке, казался снизу и больше, и причудливей.

Профессор погладил огромный шар, словно гигантского зверя, и сказал:

— Вот это по мне!

— Что же именно? — спросил монах.

— Да вот это, — повторил профессор. — Люблю этот символ. Как он завершен, как довлеет себе! Я говорил вам, мой милый, что могу опровергнуть ваши бредни, отталкиваясь от чего угодно. Что же выразит лучше разницу наших мировоззрений? Шар сообразен разуму, крест — несообразен. Шар — логичен, крест — нелеп и произволен. Шар в ладу с самим собою, крест себя отрицает. Крест — это спор противных друг другу линий, и примирить их нельзя. Он противоречив по самой своей форме.

— Вы совершенно правы, — отвечал монах. — Мы не страшимся противоречий. Человек — это противоречие: он тем и выше собратьев своих, животных, что способен к падению. Вы говорите, крест — нелеп и произволен. Форма креста произвольна и нелепа, как человеческое тело.

Профессор Л. нахмурился и сказал:

— Без сомнения, все относительно. Не стану отрицать, что элемент борьбы, противоречия, спора занимает свое место в природе. Однако элемент этот ниже полноты, заключенной в шаре. Да сами посудите, сразу видно, что Кристофер Рен допустил серьезную ошибку.

— Простите, какую же? — кротко спросил монах.

— Крест стоит на шаре, — отвечал профессор. — Это бессмысленно, шар должен стоять на кресте. Крест, в самом лучшем случае, уродливое дерево прошлого; шар — совершенный плод будущего. Итак, крест увенчивается шаром, а не наоборот.

— Ну что же, — покладисто сказал монах, — представим себе эту аллегорию. Она очень хорошо показывает, чем дурны ваши схемы. Вы сами представьте, что случится, если мы поставим шар на крест.

— О чем вы говорите? — вознегодовал профессор. — Что случится?

— Все рухнет, — отвечал монах.

Профессор сердито поглядел на него и хотел было говорить, но монах продолжал:

— Я знал такого, как вы...

— Такого, как я, на свете нет, — вставил профессор.

— Я знал, — повторил монах, — человека, ненавидевшего крест. Сперва он запретил жене носить крестик и вешать в доме распятия. Потом он стал ломать кресты на дороге, ибо жил в стране, где распятия ставят у дорог. Однажды он изрубил изгородь, заметив, что ветви переплетаются крестом. Когда он вернулся домой, он был уже безумен. Он увидел перекрестие балок и те скрещения досок, которыми держится мебель. Словом, он разнес в щепы все, что мог, и утопился.

— Это правда? — спросил профессор.

— О нет, — отвечал монах, — это притча! Притча о вас и таких, как вы. Сначала вы отрицаете крест, потом — все на свете. Мы согласимся, когда скажут, что нельзя загонять силой в церковь, но вы немедленно скажете, что никто не ходит туда по доброй воле. Мы не спорим тогда, когда вы сомневаетесь в существовании рая, но вслед за этим вы отрицаете существование Англии. Сперва вы ненавидите все, что не сведешь к логике, потом — просто все, ибо ничто в мире не сводится к логике без остатка.

Профессор Л. за это время поднялся немного выше; тут он крикнул:

— Каждому свое!

И, с невиданной силой подняв монаха одной рукою, он опустил его на перекладину креста, венчавшего собор.

— Ну как? — с издевкой спросил он. — Спасает вас крест?

— Я за него держусь, — отвечал монах. — С шара бы я упал. Неужели вы меня здесь и оставите?

— Конечно! — вскричал профессор. — Мой путь ввысь, туда, к сверкающим звездам!

— Много раз вы говорили мне, — напомнил монах, — что верх и низ — понятия относительные. Мой путь тоже ведет наверх.

— Вот как? — спросил ученый. — В каком же это смысле?

— Я попытаюсь влезть на звезду, — отвечал монах. — Во всяком случае, на небесное тело.

И он указал вниз, на Ледгэйт-хилл.

Поверхностные люди полагают, что парадокс — что-то вроде притянутой за уши шутки. Такие парадоксы можно встретить в декадентской комедии, где денди говорит: «Жизнь слишком серьезна, чтобы принимать ее всерьез».

Те, кто посмотрит на дело внимательней и глубже, обнаружат, что религия кишит парадоксами. Пример такого парадокса: «Кроткие наследуют землю». Те же, кто вглядится в самую глубь, увидят, что парадоксально все, что значительно. Именно это заметил бы каждый, кому довелось бы висеть над куполом собора, вцепившись в перекладину креста.

Несмотря на годы, несмотря на посты (вернее, благодаря им), отец Михаил отличался и силой, и ловкостью. Вися над бездной, он понял то, что понимают в опасности; то, что и зовется истинным мужеством. Как и всякий нормальный человек, в такую минуту он понял, что главная опасность — страх, а единственная надежда — спокойствие, доходящее до беспечности, и беспечность, доходящая до безумия. Единственный шанс остаться живым заключается в том, чтобы не держаться за жизнь. На куполе могли быть какие-нибудь ступеньки, но чтобы добраться до них, нужно было о них забыть. Безумно спускаться по гладкому шару; умно — висеть, пока не свалишься. Противоречие это повторялось в его сознании, как повторяется в мире противоречие креста. Он вспомнил слова: «Кто